

Марина Перова

**разве я
сторож
брату
моему?**

Марина Перова

Разве я сторож брату моему?

«Автор»

2025

Перова М.

Разве я сторож брату моему? / М. Перова — «Автор», 2025

Такое может произойти с каждым - смерть близких и внезапная страшная болезнь. Но даже оказавшись на самом дне, можно попробовать найти смысл в своем падении. Возможно, мы падаем, потому что сами не протянули вовремя руку тем, кто просил о помощи. Текст основан на реальных событиях.

© Перова М., 2025

© Автор, 2025

Марина Перова

Разве я сторож брату моему?

Глава 1.

«Со мной такого не может произойти», – повторяла я мысленно, сильнее сжимая липкий от грязи и пота поручень. На уровне живота в такт движению автобуса качалось одутловатое лицо женщины. Под ее складчатым подбородком висела засаленная маска. Мое лицо было закрыто до самых глаз, в сумке лежал антисептик.

Но теперь это не имело особого значения. Коронавирус меня почти не волновал – я ехала в противотуберкулезный диспансер.

Ситуация казалась нелепой. Я преподавала в вузе, а по вечерам вела тренировки в фитнес-клубе. Образ жизни здоровее не придумаешь, круг общения – тоже. Какой может быть туберкулез? Участковый терапевт сочувственно покачала головой: ничего не поделаешь, флюорография плохая, нужна консультация фтизиатра.

Я заказала такси – общественный транспорт всегда вызывал брезгливое чувство. Но то ли таксистам не понравился конечный адрес, то ли просто день для меня не задался, и все водители были заняты – машину я безуспешно прождала полчаса.

Окончательно разозлившись, пошла на автобусную остановку. Преодолела отвращение и шагнула в салон через облако пыли и выхлопных газов. Единственное свободное сидение с торчавшим из порванной обшивки паролоном заняла вошедшая передо мной женщина. Сиденье жалобно просело под ее весом.

Я встала рядом. Для самоуспокоения – ведь так важен позитивный настрой, чтобы все прошло удачно! – убедила себя, что ехать стоя лучше: можно смотреть в приоткрытую форточку и дышать воздухом, которого не доставало пассажирам сидячих мест.

Но когда на очередной остановке в автобус ввалилась толпа студентов и едва не сшибла меня с ног, маленькая искусственная идиллия закончилась. Я приехала в диспансер растрепанная и злая.

На входной двери висела табличка «Вход строго в маске». Внутри через каждые десять метров – флакончики с обеззараживающей жидкостью. Я облила ей руки и решительно двинулась к кабинету врача, намереваясь очистить свое имя от подозрений в неприятной болезни. Не тут-то было. Коридор переполняли мигранты и маргинального вида личности с впалой грудью и сутулыми плечами. Очередь к фтизиатру – как в советскую булочную.

Три часа ожидания. Рентген. Компьютерная томография легких. Унизительная процедура сдачи мокроты в кабинке с символом «биологическая опасность». Все это показалось мне достаточным испытанием, так что когда я, наконец, вошла в кабинет врача, у меня не было никаких сомнений в вердикте «здорова». Заслужила, в конце концов.

Я ждала, пока мужчина в белом халате поднимет на меня лицо, склоненное над снимками, изобразит извиняющуюся улыбку и отправит домой. По белому подоконнику за его спиной флегматично ползла муха. Чтобы скоротать время, я следила за тем, как она потирает тонкие черные лапки и медленно продвигается к горшку с геранью. Наконец врач посмотрел на меня поверх очков, и складки на его лбу собрались в гармошку.

– Ну что, дорогуша, все плохо. У вас туберкулез, причем с распадом. Лечиться надо, и очень серьезно. С сегодняшнего дня начнете принимать таблетки, и будем решать вопрос о вашей госпитализации. Больничный будет примерно на полгода.

Реальность перевернулась, и герань теперь росла сверху вниз, а земля грозила вывалиться из горшка. То ли из моих стоп, то или из самой земли под бетонным полом поднялась волна жара. Веки плавились и растекались по щекам, жгли губы. Образ, который я создавала,

работая годами с утра до поздней ночи – образ спортивного никогда не унывающего интеллектуала, которому все по силам – рассыпался в один момент.

Я стала лихорадочно подсчитывать потери. Допустим, в университете кто-то будет вести за меня лекции. Но что делать с защитой диссертации? А фитнес клуб? Там никакого больничного нет, я потеряю место. И даже если смогу вернуться, кто ко мне пойдет? Что за пример здорового образа жизни – тренер, болевший туберкулезом? И как вообще теперь общаться с людьми? Узнают – будут избегать, как прокаженную. Я представила, как распространяю по городу смерть одним только дыханием, и отвращение к самой себе охватило меня.

– СПИД, ВИЧ, гепатит?.. Наркотики употребляете?.. В местах лишения свободы были?.. Жилье есть?...».

Вопросы вклинивались в поток мыслей, я отвечала кивками головы. Казалось, что сплю. Ну не могло такое произойти в реальности! Я сделала все, чтобы разница между мной и Димой достигла полярности. Теперь все утратило смысл. Если кирпич должен упасть тебе на голову, он упадет.

Глава 2.

Дима, мой двоюродный брат, болел туберкулезом. Последние месяцы жизни он провел в хосписе. Иногда его отпускали домой, хотя он был ходячим биологическим оружием. Тетя укладывала сына в отдельной комнате, еду просовывала под дверь. Грязную посуду он опускал в таз с хлоркой и тоже просовывал под дверь. Через несколько часов хлорку можно было слить, а посуду вымыть, надев маску и перчатки.

Из-за двери доносились кашель и хрип. На полу стояла кварцевая лампа для обеззараживания воздуха, но вряд ли ее тусклое свечение могло справиться с захватившей пространство чахоткой.

Диме было тридцать лет. За несколько месяцев он потерял больше двадцати килограммов и походил на обтянутый кожей скелет. Рот был синим и потрескавшимся, глаза огромными и яркими от жара – температура редко опускалась ниже тридцати восьми.

Было ясно, что дела плохи, но тетя все равно верила, что он поправится. Дима тоже иногда верил и обещал больше не употреблять наркотики. Хотя иногда так хотелось обкуриться, чтобы не чувствовать боли и страха подступающей смерти.

В тот вечер его мучило беспокойство, будто под кожей бегало множество маленьких насекомых. Он долго не мог понять, что это, пока где-то в области солнечного сплетения не оформилось плотным клубком желание увидеть маму. Дежурная санитарка смотрела телевизор и, в общем, была не против – выходной, кому какое дело.

Дима вызвал такси. Голос его окреп, сил прибавилось. Казалось, по венам снова бежит живая кровь, а не лекарства. Позвонил домой, сказал, что сейчас приедет и попросил маму испечь блины. Голод был страшный – прожигал внутренности. Но запах воображаемых блинов уже растекся по палате. Он перебивал вонь от хлорки, туалета и умирающих тел.

Возбуждение и голод нарастали всю дорогу. Деревья, мелькавшие вдоль обочин, давно сбросили листья и стояли хмурые и худые, похожие на оглобли. Ранние сумерки стремительно превращались в ночь. К моменту, когда машина остановилась у ворот родительского дома, жар внутри достиг своего предела и, казалось, мог рассеивать темноту. Дверь автомобиля открылась, мамина рука в перчатке, освещенная прожекторами диминых глаз, протянула теплый сверток. Выйти ей навстречу сил не хватило.

– Мама, я умираю, – свистящий шепот еле пробился через маску.

Обратной дороги Дима не видел. Оставалось только пламя, исходящее из него самого. Казалось, машина – воздухоплавательный аппарат новейшего поколения, то летящий сквозь огонь, то скользящий по раскаленной магме, почему-то заполнявшей пространство.

Огонь обжигал, дышать было горячо, но красота вокруг стояла невероятная. Пламя двигалось и волновалось. Красный тоннель, через который несся автомобиль, отливал то желтым, как угли в печи, то голубовато-белым или зеленым, то вдруг бордовым и даже черным.

Дима не понял, как снова оказался в хосписе и когда пламя погасло. Его тело начало остывать. Рядом остывали блины.

Глава 3.

Поллитровая стеклянная бутылка висела горлышком вниз на металлических крючках. Малиново-красная маслянистая жидкость стекала через тонкий хоботок в прозрачный пластиковый мешочек. Можно было наблюдать стремительный каплепад. От мешочка хобот продолжал извиваться и заканчивался острым игольчатым жалом, впившимся в вену.

Это было частью ежедневного обряда экзорцизма. Бутылку с антибиотиком дополняли три укола и горсть таблеток. Чтобы усилить действие лекарств, кто-то из бывших пациентов прикрепил над изголовьем кровати иконку Николая Чудотворца.

Каждую неделю кого-нибудь из пациентов переводили в реанимацию – на операцию или умирать. В соседнем отделении было еще страшнее: там умирали каждый день. Трупы складывали в ванной, подальше от летней жары. Приходишь вечером душ принять, а твои бывшие соседи коченеют на кафельном полу под простыней.

Так что мы, хирургия, считались элитой. А две женщины, с которыми я делила палату, едва ли не королевами.

Наташа, например, собиралась открывать свой бизнес. У нее было трое детей и четыре мужа. Мужья пили, кололись и колотили жену. Нынешний сидел в тюрьме и звонил оттуда Наташе, пока она звонила адвокату, чтобы подготовить документы на очередной развод. Она вдруг решила, что как мать-одиночка будет получать больше пособий.

Наташе было тридцать три года. Несмотря на лучи морщин вокруг глаз и сморщенные губы, она смотрела молодо, одевалась в облегающую одежду и красила волосы в ярко-рыжий. Местным мужчинам это нравилось.

Лена разводиться не собиралась и была при муже, пусть и алкоголике. Худая и маленькая, она казалась еще меньше оттого, что все время сжимала плечи и втягивала шею, как нашкодившая кошка.

Одевалась Лена в мужские синтетические трико с лампасами и серые футболки, неотличимые друг от друга. Полуседые волосы всегда оставались включенными, даже если она причесывалась.

Ее бледное лицо я никогда не рассматривала – взгляд отводился автоматически. Я знала только, что оно в морщинах и сосудистой сетке, глаза на нем мутные и косоватые, а в почти беззубом рту торчат обломки зубов.

Обе они добросовестно проходили лечение. Зато в соседнем корпусе по рассказам местных старожилов люди не лечатся, а прячутся от снега и дождя. Зимой от желающих лечь в диспансер не отбиться. Таблетки они стараются потихоньку выбросить, потому что если лечение даст результат, зимовать будет негде. Да и с инвалидности снимут, пенсии лишат. Для закрепления результата каждый вечер они приносят в палаты алкоголь или наркотики.

Все относительно, и мне, можно сказать, повезло с компанией. Но я все равно испытывала отвращение. Больница казалась тюрьмой, а мои сокамерники – жуткими карикатурами на людей.

По утрам я просыпалась почти бодрая. Из раскрытых окон пахло травой. Три осины на заднем дворе бодряще шумели. Смеялись чайки. Мы так и не поняли, как они здесь оказались – водоема поблизости не было, кроме небольшого болотца, откуда каждую ночь в палаты ломилась мошकारа.

Чайкам поддакивали еще какие-то птицы – получался целый концерт. Под эту музыку я приводила себя в порядок и делала зарядку.

В первое время на меня смотрели несколько косо и, не удивлюсь, если покручивали пальцем у виска, когда я расстилала посреди палаты гимнастический коврик. Санитарки пару раз сделали замечание, что физические нагрузки запрещены, но потом махнули рукой.

Пациентов хватило на дольше – минимум неделю они шутили, что еще пара капельниц, и мне будет не до тренировок. В их словах была не то, что доля, а почти чистая правда. Но я не сдавалась.

После завтрака, который запрещалось пропускать, иначе опьянеешь от лекарств, мы шли на получасовую прогулку под присмотром санитарки. После суток заточения в душной палате, жалкие полчаса казались насмешкой. Но я успевала многократно обойти здание больницы, исшагать вдоль и поперек маленький скверик перед центральным входом и задний двор. От кислорода и радости кружилась голова.

Кроме меня никто не ходил. Все жались на скамейки под деревьями и курили.

Ровно в девять утра двери на нашем этаже запирали на замки. Настоящие амбарные замки. С этого момента свежий воздух был доступен только через окно. Я старалась его вдохнуть и разложить на запахи, пока медсестра наполняла шприцы лекарством.

После уколов сознание притуплялось, и нарушалась координация. Когда в палату привозили металлическую стойку-капельницу, я включала аудиоспектакль или книгу. Первые десять минут удавалось следить за персонажами. Затем слова расплывались. Ноги и руки, раскинутые на кровати, охватывала немота. Потом немели мысли – не только услышанные, но и подуманные.

Я убирала наушники. В соседней палате звучало то, что здесь называют музыкой. «Есть две ноги – встань и пойд. Встань и пойд, водки найди». В коридоре хлюпала швабра, когда санитарка опускала ее в ведро. Пахло сигаретным дымом. Черепная коробка заполнялась светом. Свет переходил в темноту.

Глава 4.

Дима лежал в маленьком, почти детском гробу. Белый атлас внутри отливал голубым и болезненно желтым. Оборки змеились по краю деревянного ящика. Я думала, как изобретательно придать гробу немного ромбовидную форму, расширив узкий ящик в районе плеч и снова сузив его к голове. Я не верила, что это худое иссохшее тело в кедах – мой брат.

Между нами был всего год разницы и в детстве мы очень дружили. Дима жил в городе, и к нам в деревню приезжал на лето. Он уже начал ходить в школу, и я ему завидовала, мечтая о ранце с учебниками и тетрадами в прозрачных обложках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.